
Код джокера. Первый ход
Николай Белозёров

Николай Белозёров

Код джокера. Первый ход

«Автор»
2026

Белозёров Н.

Код джокера. Первый ход / Н. Белозёров — «Автор», 2026

«Высыпаться — это не слабость. Это инструмент».Антон Джокулов — аналитик, который живёт по расписанию. Встаёт в 6:30, ложится в 23:00, помогает дочери с алгеброй и не понимает, почему остальные считают хаос нормой. Когда к нему приходит отчаявшийся застройщик с просьбой уничтожить трёх криминальных авторитетов, Антон соглашается. Не ради денег. А чтобы доказать: порядок возможен. Нужно просто уметь считать.Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: эти трое — не хозяева города. Они всего лишь пешки. За ними стоит тот, кто строит системы. И наблюдает, как они рушатся.Тот, кто оставляет надпись в эфире федерального канала: «Вы думали, что хаос закончился? Он только начинается».«Код Джокера» — это роман о человеке, который выбирает порядок. О том, как не стать частью системы, которую пытаешься изменить. И о том, что настоящий враг — не тот, кто создаёт хаос. А тот, кто заставляет тебя усомниться в собственном выборе.

© Белозёров Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который высыпается 5
Глава 2. Заказчик 11
Глава 3. Доступ 15
Глава 4. Паук 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Код джокера. Первый ход

Глава 1. Человек, который высыпается

Сентябрь. Каменный. НИИ прикладной математики и криминальной статистики.

Восемь пятнадцать.

Я толкнул дверь плечом, потому что руки были заняты. В правой — термос с зелёным чаем, который Ирина заваривает каждое утро ровно в семь ноль-ноль. В левой — папка с распечатками за вчерашний день. Кабинет встретил меня запахом пыли и старых книг. Окно выходит на север, солнечный свет сюда не заглядывает, и даже в середине сентября здесь горит лампа. Я мог бы попросить кабинет с другой стороны. Но не попросил. Свет — это не главное. Главное — чтобы всё лежало на своих местах.

Я повесил куртку на крючок, который вбил сам три года назад. Штатная вешалка скрипела и раздражала. Я не люблю, когда вещи скрипят. Когда люди скрипят — это их дело. Вещи должны молчать.

Термос встал на своё место — справа от клавиатуры. Папка — слева, стопкой к краю. Я человек порядка. Не потому что педантичный. Потому что беспорядок отнимает время. А время — это ресурс, который я не могу восстановить. В отличие от сна. Сон я восстанавливаю каждую ночь. С 23:00 до 6:30. В выходные — до 8:00. Это не мания. Это математика. Недосып снижает когнитивные способности на тридцать процентов. Тридцать процентов, Карл! Это больше, чем разница между средним и высоким IQ. Люди платят миллионы за курсы личностного роста, а сами не спят по ночам. Глупо.

Ноутбук загружался. Сорок семь секунд. На три секунды дольше обычного. Я мысленно поставил галочку: проверить диск. Потом открыл блокнот и записал: «Замена SSD до 15 октября».

Блокнот у меня толстый, в твёрдом переплёте. Куплен в канцелярском магазине на первом этаже. На обложке — надпись, выведенная шариковой ручкой: «Если что-то не складывается — ты пропустил переменную».

Я поднял голову. Стена напротив была оклеена листами ватмана. Листы сшиты в единое полотно, и на этом полотне — карта города. Красные точки — предполагаемые точки срывов, рассчитанные по моей методике. Жёлтые — места, куда полиция приедет через три дня. Зелёные — куда через неделю.

Я смотрел на эту карту каждое утро. И каждое утро видел одно и то же. Красные метки в южном секторе сгущались. Медведев, Соболь, Корецкий. Я ещё не знал их лиц, но уже знал, где они ошиблись. Пока не знал, как именно ошиблись. Но знал, что ошиблись. Все ошибаются. Вопрос времени.

На столе стояла фотография в пластиковой рамке. Ирина, Соня, Миша. Чёрное море, прошлое лето. Я не люблю море — слишком много неконтролируемых переменных, — но семья любит. И я поехал. И даже, кажется, получил удовольствие. Или не кажется. Я не уверен, что умею правильно определять такие вещи. Счастье, например, я определяю по косвенным признакам. Тишина в доме, когда все спят. Ирина улыбается, когда я прихожу с работы. Соня получает пятёрку по алгебре. Миша строит корабль из конструктора. Это счастье. Я в этом уверен.

Телефон вибрировал. Напоминание: «Сегодня родительское собрание у Миши в 19:00». Я уже знал. Я сам занёс это в календарь две недели назад. Сегодня я выйду с работы в 17:30, как всегда, заеду в магазин за молоком, успею к ужину, а после ужина поеду на собрание. Всё рассчитано.

В дверь постучали. Коротко, два раза.

— Войдите.

В кабинет вошёл Сергей Нестеров. Сорок восемь лет, выглядит на пятьдесят пять. Лицо в морщинах, под глазами мешки, щетина. От куртки пахнет табаком и вчерашним перегаром. Три года назад его вышвырнули из органов. Отказался закрывать дело против сына депутата. Дело закрыли без него, а его уволили по статье «дискредитация». С тех пор он перебивался частными заказами, пил, терял связи, пока не встретил меня. Я встретил его в очереди в военкомате — он оформлял какие-то бумаги, я — справку для отца. Разговорились. Я предложил работу. Он согласился. С тех пор он моя правая рука. И моя головная боль.

— Ты выспался? — спросил я.

— Нормально.

— Ты спал меньше пяти часов. У тебя тремор рук, гиперемия склер, сниженная концентрация. Ты не выспался.

— Спасибо, мамочка.

— Я серьёзно. Ты мог бы сделать ту же работу за шесть часов, а будешь делать за девять. И наделаешь ошибок, которые потом придётся исправлять. Это неэффективно. Высыпаться — это не слабость. Это инструмент.

Сергей потёр лицо ладонями.

— Ты каждое утро будешь мне лекции читать?

— Каждое утро, пока ты не начнёшь высыпаться.

— А если у меня бессонница?

— Тогда тебе к врачу. Бессонница лечится. Режим, отсутствие алкоголя, физическая нагрузка. Я тебе скину протокол.

Сергей вздохнул. Достал из внутреннего кармана куртки конверт, бросил на стол.

— Заказ. Человек приехал. Хочет встретиться.

— Кто?

— Бережной. Застройщик.

Я знал эту фамилию. Бережной Борис Васильевич. Пятьдесят пять лет. Владелец холдинга «Юг-Строй». За последние три года вокруг его объектов произошло семнадцать конфликтов с криминалом. Восемь — со смертельным исходом. Полиция не помогла. Конкуренты не отступили. Бережной теряет контроль. И деньги. И, судя по слухам, последние нервы.

— Что по нему есть?

Сергей достал из того же кармана сложенный лист, расправил на столе.

— Бережной Борис Васильевич. Пятьдесят пять лет. Родился в Подольске. Отец — инженер на заводе, мать — медсестра. В девяностые начал с мелкой торговли на рынке. Потом стройка. Сейчас у него холдинг «Юг-Строй». Три крупных объекта на юге, два в центре. Один из них — жилой комплекс «Золотые ключи». Это его гордость. Там у него пентхаус. Весь верхний этаж.

— Семья?

— Женат второй раз. Первая жена — Людмила, развелись лет десять назад. Она осталась в Подольске, получила дом. Детей от первого брака нет. Вторая — Наталья. Младше его лет на пятнадцать. Бывшая модель. Живут в том самом пентхаусе. Есть дочь, Алина, тринадцать лет. Учится в частной школе, занимается конным спортом. Бережной, говорят, души в ней не чает.

— Отношения в семье?

— По слухам — всё прилично. Наталья занимается благотворительностью. Алина — тихая девочка. Бережной возит её на соревнования сам, когда есть время.

— А когда есть время?

— В последние годы — редко. У него сейчас всё время уходит на войну с конкурентами. И, судя по всему, он эту войну проигрывает.

— Рассказывай.

Сергей перелистнул заметки.

— Конкуренты — трое. Медведев, Соболь, Корецкий. Контролируют южный сектор уже лет семь. Классическая схема: заходят на объект, предлагают «крышу». Бережной в своё время отказался. Сказал, что будет работать по-честному. Ну, ему и показали, что такое «по-честному».

— Что конкретно?

— Началось с мелочей. Инспекции, проверки, мелкие штрафы. Потом — поджог бытовки на одном из объектов. Потом — угрозы прорабам. Трое уволились, двое уехали из города. Потом — налоговая. Пришли с проверкой, нашли нарушения, заморозили счета на два месяца. Бережной еле отбился.

— Полиция?

— Бесполезно. У этих троих есть люди в прокуратуре. Бережной пробовал подавать заявления — всё спускали на тормозах. Дважды его вызывали «для беседы» и намекали, что лучше договориться по-хорошему.

— Он не договорился?

— Не договорился. Говорят, принципиальный. Или упрямый. Не знаю. Но после налоговой он понял: официально — не вариант.

— Что он делал потом?

— Пытался найти других. Сначала пошёл к силовикам — бывшие сотрудники, которые берутся решать вопросы. Заплатил, они кого-то попугали. Месяц тишины, потом всё вернулось. Потом нанял «решальщиков» — тех, кто работает через административный ресурс. Сделали так, что Медведева вызвали на допрос по старому делу. Медведев отмазался через свои связи, а Бережному прилетело ответкой: на двух его объектах прорвало трубы с химикатами. Строительство встало на три месяца.

— А Корецкий и Соболь?

— Корецкий — самый амбициозный из них. Бывший спортсмен, самбо. Говорят, в девяностые был чемпионом области. Сейчас строит из себя интеллектуала — книги читает, в театры ходит. У него репутация «честного вора»: держит слово, не сдаёт своих, помогает ветеранам. На этом держится его авторитет. Но это не про честь — это про расчёт. Он хочет стать не просто авторитетом в южном секторе, а войти в большую игру. Занять место среди тех, кто реально управляет городом.

— А Соболь?

— Соболь — тёмная лошадка. О нём мало кто знает. Говорят, из бывших сотрудников спецслужб. Может, внешняя разведка, может, что-то другое — точно никто не скажет. Он редко появляется в городе, все дела ведёт через людей. Но именно у него самые крепкие связи в прокуратуре. И если Корецкий — это фронт, публичная история, то Соболь — это тыл. Он мыслит системно. Схемы, которые он выстраивает, работают годами и не дают сбоев.

— И все трое работают вместе?

— Вместе. Делят южный сектор. У каждого своя специализация. Медведев — силовая часть, люди, поджоги, запугивание. Корецкий — публичная сторона, авторитет, связи с бизнесом. Соболь — административный ресурс, прокуратура, суды. И если Медведева можно купить или запугать, а Корецкого — переиграть в публичном поле, то Соболь — это фундамент. Пока он стоит, вся конструкция держится.

— И Бережной против них один?

— Один. За последние два года он потерял три объекта, два — на стадии котлована. Потерял около сорока процентов выручки. Его партнёры начали отворачиваться. Банки — ужесточать условия. Говорят, он закладывал свой пентхаус, чтобы расплатиться по кредитам.

— Кредиты?

— Да. Он брал большие деньги на строительство. Сейчас проценты съедают всё. Если в ближайшие полгода он не сдаст хотя бы один объект — всё, крах.

— И он обратился к нам.

— Он обратился к нам. Через общих знакомых. Ему сказали, что есть человек, который умеет просчитывать ситуации. Который не лезет в грязь и не светится. Он заинтересовался.

— Что он хочет?

— Убрать конкурентов. Полностью. Чтобы они исчезли из его жизни.

— Он понимает, что это значит?

— Понимает. Он уже пробовал всё остальное. Теперь готов на что угодно.

— На что угодно?

Сергей усмехнулся.

— Судя по тому, что он закладывает последнюю квартиру — на что угодно.

Я молчал. Смотрел на лист с досье. Бережной, пятьдесят пять лет, строитель, вторая жена, тринадцатилетняя дочь, пентхаус, который уже не его. Человек, который пытался быть честным, но мир оказался нечестным. Интересно, сколько таких Бережных ломается каждый год? И сколько из них становятся такими, как их конкуренты?

— Что ещё? — спросил я.

— Есть слух, — сказал Сергей, — что он обращался к кому-то из больших. К тем, кто выше Медведева. Не знаю, правда или нет. Но говорят, что ему ответили: «Не лезь, это не твой уровень».

— И он не полез?

— Он затих на полгода. А теперь вышел на нас. Значит, либо отчаялся, либо понял, что надо действовать иначе.

— Во сколько встреча?

— В девять. В «Ладье». Это на набережной.

Я посмотрел на часы. 8:20. Если встреча в девять, выезжать нужно в 8:40. Успеваю.

— Что думаешь? — спросил Сергей. — Браться?

Я открыл блокнот. На чистой странице написал:

«Бережной Б. В. Активы: три объекта на юге, два в центре. Долги: кредиты под залог недвижимости. Семья: жена Наталья, дочь Алина. Конкуренты: Медведев (сила), Корецкий (амбиции, публичный авторитет), Соболь (системный административный ресурс). Риски: Бережной отчаян. Готов на многое. Вероятность успешного решения: 94%. Цена: системный доступ к трём базам МВД. Риски: Бережной станет зависим от "Анти Джокер". Итог: согласиться».

Я закрыл блокнот. Встал. Взял куртку.

— Поехали.

Сергей поднялся. В дверях остановился.

— Антон.

— Да.

— Ты когда-нибудь выходил из этого кабинета? Не для того, чтобы купить молоко к чаю. А чтобы посмотреть на город?

— Я смотрю на него каждый день. — Я кивнул на карту.

— Ты смотришь на цифры. Это не город.

— Город — это совокупность объектов и процессов. Цифры описывают их точнее, чем органы чувств. Люди врут. Цифры — нет.

Сергей покачал головой.

— А твои? — он кивнул на фотографию. — Твои врут?

Я посмотрел на фото. Ирина улыбалась. Соня строила рожицу. Миша смотрел в камеру серьёзно, как взрослый.

— Мои — нет, — сказал я. — Я проверил.

Сергей усмехнулся. Вышел.

Я взял телефон, набрал сообщение Ирине: «Сегодня родительское собрание у Миши в 19:00. Я буду вовремя. Молоко купить?»

Ответ пришёл через минуту: «Купи. И не забудь, у Сони завтра контрольная по алгебре. Поможешь ей вечером?»

Я написал: «Да. С 20:00 до 20:45. После собрания».

Убрал телефон. Взглянул на карту. Красные точки в южном секторе. Медведев, Соболь, Корецкий. Скоро я узнаю о них больше.

Я вышел из кабинета. По коридору — к лифту. На улице меня ждал Сергей, уже за рулём старого «Фольксвагена».

— Поехали, — сказал я, садясь на заднее сиденье.

Сергей завёл двигатель, но не тронулся с места. Посмотрел в зеркало заднего вида.

— Слушай, — сказал он. — Ты говорил, что хочешь расширяться. Что там с офисом?

Я посмотрел в окно. За стеклом мелькали панельные дома, стеклянные бизнес-центры, редкие деревья.

— Нашёл помещение. В Даниловском районе. Бывший НИИ, сейчас там сдают лаборатории под офисы. Площадь — восемьдесят квадратов. Комнат пять. Для начала хватит.

— Даниловский? — Сергей присвистнул. — Дорогой район.

— Аренда — тридцать пять тысяч. С учётом коммуналки. Владельцы рады сдать, здание старовато, клиенты уходят в бизнес-центры.

— А нам чем плохо?

— Нам — хорошо. Там толстые стены, своя парковка, охрана на въезде. И рядом метро.

Сергей кивнул.

— А что внутри?

— Три кабинета под аналитическую работу. Один переговорная. Один серверная. И большой зал, где можно будет развернуть карты и схемы.

— Как у тебя сейчас, только больше?

— Больше. И системнее.

Машина стояла на месте, двигатель работал на холостых. Сергей не торопился выезжать.

— И сколько человек ты туда хочешь?

— Кроме нас с тобой — трое. На первое время.

— Кого?

— Программист. Нужен человек, который будет строить базы данных. Чтобы мы не тратили время на сбор информации, а сразу получали готовые массивы.

— Найдёшь такого?

— Уже нашёл. Дима. Молодой, двадцать семь лет. Сидел за взлом серверов МВД. Вышел полгода назад. Работает на фрилансе, но ищет постоянный проект.

— Сидел? — Сергей нахмурился.

— Сидел. Но он гений. За два часа делает то, на что у обычного программиста уходит неделя. А ворованные данные ему не нужны — ему интересно строить системы. Он будет нашим.

— А остальные?

— Журналист-расследователь. Лена Воронина. Ей тридцать два. Была в крупном издании, вела коррупционные темы. Уволили после серии статей о мэрии.

— Уволили? — Сергей усмехнулся. — Прямо как меня.

— У неё есть опыт работы с закрытыми источниками. Она умеет задавать вопросы и не бояться ответов. Нам это пригодится.

— Третий?

— Аналитик. Пока не нашёл. Будет помогать мне с прогнозами и проверять данные.

Сергей задумался.

— И ты думаешь, этого хватит, чтобы тянуть таких клиентов, как Бережной?

— Для начала — хватит. Если пойдёт, будем расширять.

— А как мы будем называться? Просто «офис»?

Я посмотрел в окно. За стеклом проплывал Южный порт, склады, трубы. Место, где хаос и порядок встречаются каждый день. Где одни строят, другие ломают, третьи делают вид, что ничего не происходит.

— «Анти Джокер», — сказал я.

Сергей хмыкнул.

— Громко.

— Точно. Мы не просто решаем проблемы. Мы строим систему, где проблем становится меньше. Джокер — это хаос. Мы — противоположность.

— И кто это будет оплачивать?

— Бережной и такие, как он. Люди, которые устали от хаоса. Которые готовы платить за порядок.

Сергей ничего не сказал. Наконец тронулся с места. Машина выехала со двора, влилась в поток.

— Нам нужно успеть до твоего сна? — спросил Сергей, поглядывая в зеркало.

— Нам нужно успеть сделать работу. Высплюсь — после.

Сергей покачал головой.

— Ты когда-нибудь устаёшь от этой своей правильности?

— Правильность не утомляет, если она приносит результат.

— А если не приносит?

— Тогда я меняю подход.

— И как часто ты меняешь?

— Когда результаты перестают соответствовать ожиданиям.

— И часто это бывает?

Я задумался.

— Редко. Потому что я правильно оцениваю ожидания.

Сергей усмехнулся, но спорить не стал. Машина свернула на набережную. Впереди показалась вывеска ресторана «Ладья» — дорогой, с претензией, с отдельными кабинетами для тех, кто не любит лишних глаз.

— Приехали, — сказал Сергей, паркуясь. — Пора знакомиться с нашим первым клиентом.

Я посмотрел на часы. 8:55. Плюс-минус минута. Всё по расписанию.

Я вышел из машины. Сентябрьское утро было прохладным, но без дождя. Над набережной висела лёгкая дымка, вода в канале казалась чёрной.

— Ты идёшь? — спросил Сергей, уже стоя у входа.

— Иду.

Я поправил манжеты. Вдохнул. Выдохнул.

Внутри ждал человек, который проигрывал войну. И который надеялся, что логика сможет сделать то, чего не смогли ни деньги, ни связи, ни отчаяние. Наверное, он ждал чуда. Я не верю в чудеса. Я верю в системы.

Я вошёл в ресторан.

Глава 2. Заказчик

Сентябрь. Ресторан «Ладья».

Ресторан «Ладья» располагался на втором этаже старинного особняка. Особняк чудом уцелел в девяностые, когда квартал отдали под элитную застройку. Теперь здесь пахло дорогим деревом и табаком, хотя курить в зале запрещали уже лет десять. Запах въелся в стены. Как и деньги, которые здесь тратили. Как и надежды, которые здесь прогорали.

Интерьер стилизовали под русскую охоту. Чучела кабанов и фазанов на стенах, тяжёлая дубовая мебель, настоящий камин, в котором даже в сентябре горел огонь. Я не понимаю, зачем тратить деньги на декорации, которые не влияют на качество еды. Но я понимаю, зачем люди ходят в такие места. Чтобы чувствовать себя значимыми. Чтобы собеседник видел: ты можешь себе это позволить. Бережной был человеком, который привык к таким местам. Или привык, пока не начал проигрывать войну.

Нас провели в отдельный кабинет. Официант — вышколенный, в белой рубашке, с лицом, которое не выражало ровным счётом ничего, — открыл дверь и отступил в сторону. Хорошая выучка. Такие официанты умеют не слышать. Умеют не видеть. Умеют получать чаевые за то, что их не существует.

За столом сидел Бережной.

Я увидел его впервые вживую, но уже знал всё. Пятьдесят пять лет. Седые волосы, зачёсанные назад. Лицо человека, который привык принимать решения и не привык, чтобы эти решения оспаривали. Костюм дорогой, но не вызывающий — тёмно-синий, почти чёрный. Рукава рубашки выглядывали ровно на полтора сантиметра. Галстук завязан идеальным узлом. Всё правильно. Всё по правилам. Но я видел: он нервничал. Нервный заказчик платит больше и не задаёт лишних вопросов. А отчаявшийся заказчик готов платить что угодно. Бережной был и тем, и другим.

За его спиной, у двери, стоял охранник. Крупный, лысый, с наушником в ухе. Я посмотрел на него и отметил ошибку. Охранник стоял у двери, а не у окна. Если стрелять будут с улицы, он закроет собой не Бережного, а стену. Профессионал так не встанет. Значит, охранник — бывший спортсмен или просто качок. Умеет бить, но не умеет защищать. Я запомнил. Вдруг пригодится. Хотя вряд ли. Я не люблю, когда приходится стрелять. Это нарушает порядок.

— Вы — тот самый аналитик? — Бережной смотрел на меня с плохо скрытым сомнением.

Я знал, что он видит. Свежая рубашка, выглаженные брюки, чистые туфли. Взгляд спокойный, без кругов под глазами. Человек, который выспался и готов к работе. Не такой, каким Бережной привык видеть людей, решающих его проблемы. Те обычно были или угрюмыми силовиками, или скользкими «решальщиками». Я не походил ни на тех, ни на других. Я просто человек, который высыпается.

— Антон Джокулов, — представился я. — Приятно познакомиться.

Я протянул руку. Бережной пожал. Рукопожатие сильное, ладонь сухая. Он нервничал, но контролировал себя. Хорошо.

— Садитесь, — сказал Бережной, кивнув на стул напротив. Взгляд скользнул по Сергею, который остался стоять у двери. — Ваш человек?

— Мой партнёр. Он будет присутствовать.

Бережной кивнул. Официант бесшумно поставил на стол два чайника — зелёный и чёрный, чашки, сахарницу. Я взял зелёный, налил себе. Бережной не притронулся к чаю.

— Говорят, вы можете просчитать всё, — начал он. — От того, где через неделю будет пробка, до того, кто из депутатов возьмёт взятку в следующем квартале.

— Пробки — это математика, — сказал я. — Депутаты — это тоже математика. Всё — математика.

— А люди? — Бережной усмехнулся. Усмешка вышла невесёлой. — Люди тоже математика?

— Люди — самые предсказуемые величины. У них есть потребности, страхи, привычки. Всё это можно измерить. Коэффициент корреляции между поведением человека и его социально-экономическими характеристиками — 0,87. Это выше, чем у пробок и времени суток.

Бережной смотрел на меня. Молчал несколько секунд. Потом достал из портфеля папку, положил на стол.

— Вы знаете, зачем я пришёл?

— Знаю. У вас проблема в южном секторе. Три человека, которые контролируют всё, что вы строите. Вы пробовали договориться — не вышло. Пробовали через полицию — не помогло. Пробовали через силовиков и решальщиков — временно, но проблема вернулась.

Бережной усмехнулся. Теперь усмешка была другой — горькой.

— Сергей хорошо поработал.

— Это моя работа — знать, с кем я говорю.

— И что вы знаете обо мне?

Я откинулся на спинку стула. Смотрел на Бережного спокойно, без вызова. Мне не нужно было его пугать. Мне нужно было, чтобы он понял: я знаю, с кем имею дело. И он не сможет меня обмануть.

— Вы начинали в девяностых с торговли на рынке. Потом перешли в стройку. Сейчас у вас холдинг «Юг-Строй». Три крупных объекта на юге, два в центре. Жилой комплекс «Золотые ключи» — ваша гордость.

— Это в открытых источниках.

— Вы женаты второй раз. Первая жена осталась в Подольске, вы развелись без скандала. Вторая — Наталья, младше вас на пятнадцать лет, бывшая модель. У вас есть дочь, Алина, тринадцать лет. Она учится в частной школе и занимается конным спортом. Вы возите её на соревнования, когда есть время.

Бережной молчал. Лицо не изменилось, но пальцы, лежащие на столе, чуть заметно напряглись. Я продолжал.

— В последние два года вы потеряли три объекта, два заморозили. Потеряли около сорока процентов выручки. Банки ужесточили условия по кредитам. Вы закладывали пентхаус в «Золотых ключах», чтобы расплатиться по текущим платежам. Если в ближайшие полгода вы не сдадите хотя бы один объект — вы банкрот.

Тишина. Сергей за спиной кашлянул. Охранник у двери переступил с ноги на ногу. Бережной медленно убрал руки со стола. Положил их на колени.

— Вы хорошо подготовились.

— Я всегда готовлюсь.

— И что вы можете мне предложить?

Я открыл папку, которую принёс Бережной. Фотографии, фамилии, краткие досье. Медведев, Соболь, Корецкий. Три лица. Три имени. Три человека, которые держали южный сектор. Три человека, которые думали, что они хозяева жизни. На самом деле они были просто частью системы. Системы, которая работала на них. Системы, которая скоро перестанет работать.

— Вы знаете, кто они. Но вы не знаете, где они слабы. Я найду.

— Как?

— Как аналитик. Через их связи, деньги, репутацию. У каждого есть слабое место. Вопрос времени.

— Сколько времени?

— Три-четыре недели.

Бережной покачал головой.

— Мне сказали, вы быстрее.

— Быстро — значит рискованно. Я не люблю рисковать.

— Вы не любите рисковать? — Бережной усмехнулся. — Вы открываете частное агентство, которое собирается уничтожать криминальных авторитетов. Это не риск?

— Это расчёт. Риск — это когда ты не знаешь, что будет. А я знаю.

— Откуда?

— Из цифр. Они не врут.

Бережной смотрел на меня. Потом достал из кармана портсигар, открыл, достал сигарету. Посмотрел на официанта, который стоял в углу.

— Можно?

— Здесь не курят, — вежливо сказал официант.

— Здесь плачу я, — сказал Бережной. Прикурил.

Официант не моргнул. Хорошая выучка.

— Назовите цену, — сказал Бережной, выпуская дым в потолок.

— Не деньги.

Бережной удивлённо поднял бровь.

— А что?

— Доступ к трём базам. Ваша компания имеет допуск к закрытым данным по городским контрактам. Мне нужен этот доступ.

Бережной медленно затушил сигарету о край пепельницы. Не докурил.

— Вы понимаете, что это стоит дороже, чем моя проблема?

— Я понимаю, что ваша проблема будет стоить вам всего бизнеса, если вы её не решите. А доступ к базам — это разовая операция. Я не буду использовать его против вас.

— Откуда мне знать?

— Вам придётся поверить.

— В математику?

— В логику. Если я вас обману, вы это узнаете. У вас есть ресурсы, чтобы мне отомстить. Я человек осторожный. Я не рискую без причины. А доступ к базам — это для меня инструмент. Не цель.

Бережной молчал. Смотрел на меня. Потом на Сергея. Потом снова на меня.

— Вы не похожи на афериста.

— Я не аферист. Я аналитик.

— И вы действительно верите, что сможете убрать этих троих? Просто… просчитав их?

— Не убрать, нейтрализовать. Найдя их слабые места.

— А если слабых мест нет?

— У всех есть слабые места.

Бережной помолчал. Потом протянул руку.

— Работаем.

Я пожал руку. Рукопожатие сильное, ладонь по-прежнему сухая. Бережной нервничал, но контролировал себя. Хорошо.

— Доступ к базам когда?

— Завтра. Мой юрист передаст логин и пароль.

— Хорошо.

Я встал. Сергей открыл дверь.

— Антон, — сказал Бережной, когда мы уже выходили.

Я обернулся.

— Я не верю в математику. Но я верю в людей, которые умеют думать. Не подведите.

— Не подведу.

Мы вышли в коридор. Официант бесшумно закрыл за нами дверь.

— Ну как? — спросил Сергей, когда мы отошли достаточно далеко.

— Согласился. Доступ к базам даст.

— И ты правда думаешь, что справишься за месяц?

— Да.

— Даже с Соболем?

Я остановился. Посмотрел на Сергея.

— Соболь — системный. Я знаю, как работают системы. У любой системы есть слабое место. Надо просто найти.

— А если не найдёшь?

— Найду.

Мы вышли на улицу. Сентябрьское утро было прохладным, но солнце уже поднялось выше крыш, и воздух над набережной начал прогреваться. Я посмотрел на часы. 10:35. Встреча заняла полтора часа. Дольше, чем я планировал.

— Сергей, отвези меня в офис.

— Может, пообедаем? — Сергей кивнул на ресторан. — Там кормят неплохо, я слышал.

— Нет. У меня обеденный сон в одиннадцать.

Сергей закатил глаза.

— Ты серьёзно? Только что встреча с застройщиком, доступ к закрытым базам, три конкурента, которые держат весь южный сектор, а ты переживаешь из-за двадцати минут?

— Если я не посплю сейчас, к пятнадцати часам моя производительность упадёт на тридцать процентов. Я не успею сделать расчёты к семнадцати тридцати.

— К семнадцати тридцати?

— Я всегда ухожу в семнадцать тридцать. Ужин с семьёй. Сегодня ещё родительское собрание у Миши.

Сергей посмотрел на меня с недоумением, смешанным с чем-то, что я определил как «зависть».

— И тебя это не бесит? Что ты привязан к расписанию?

— Почему это должно меня бесить? Я высыпаюсь, я здоров, я вижу детей каждый день. Это называется жизнь, Сергей. Ты пробовал?

Сергей промолчал. Достал сигарету, прикурил. Мы пошли к машине.

В машине я достал блокнот. Написал:

«Бережной. Уровень тревоги: высокий. Риски: клиент может стать проблемой после решения. Начать сбор данных. Точки сбора: налоговая, Росреестр, операторы связи».

Закрыл блокнот. Посмотрел на часы. 10:50. Успеваю.

Глава 3. Доступ

Сентябрь. Офис «Ант и Джо».

Офис располагался в Даниловском районе, в здании бывшего НИИ гидроприборов. Здание было построено ещё в семидесятых. Пережило развал Союза, лихие девяностые и нулевые. К двадцатым годам окончательно устарело. Лаборатории опустели, коридоры запылились, и владельцы начали сдавать помещения под офисы. Я нашёл эту площадь через знакомого — восемьдесят квадратов, пять комнат, высокие потолки, толстые стены и своя парковка во дворе. Вход через шлагбаум. Охрана на въезде. Для нас это важно. Не потому что мы боимся. Потому что порядок начинается с контроля.

На двери уже висела табличка: «Ант и Джо». Скромная, из матового металла, без лишних украшений. Я заказал её три дня назад, когда юрист Бережного подтвердил, что доступ к базам будет. Сергей спросил, почему «Ант и Джо», а не что-то нейтральное. Я сказал: «Потому что мы не нейтральные». Он усмехнулся. Я не шутил.

Я зашёл в кабинет ровно в одиннадцать. Сергей остался в машине — сказал, что ему нужно позвонить. Я закрыл дверь, повесил на ручку табличку, которую сделал сам из плотного картона: «Не беспокоить. 20 минут». Из ящика стола достал складную подушку и плед. Лёг на диван. Закрыл глаза. Двадцать минут — как всегда.

Мысли — о Бережном, о трёх конкурентах, о доступе к базам — продолжали крутиться. Я не пытался их остановить. Я просто дышал. Ровно, глубоко, животом. Это не медитация. Это физиология. Ровное дыхание снижает уровень кортизола. Сон приходит быстрее. Восстановление идёт эффективнее. Всё просчитывается. Даже сон.

Через две минуты мысли начали замедляться. Ещё через минуту — распадаться на отдельные слова, лишённые смысла. На третьей минуте я провалился в тишину.

Ровно через двадцать минут зазвонил будильник. Я открыл глаза. Никакой разбитости, никакой тяжести. Двадцать минут — это восстановление. Тридцать — уже нарушение цикла. Сорок — риск войти в глубокую фазу сна, после которого проснуться трудно. Я знаю это по себе. Экспериментировал в институте. Записал результаты в блокнот. С тех пор не нарушаю.

Я сложил плед, убрал подушку, сел за стол. Ноутбук загрузился — сорок семь секунд, всё так же. Открыл блокнот, посмотрел на записи. Голова была ясной.

В дверь постучали. Коротко, два раза.

— Войдите.

Вошёл Сергей. Уже без куртки, в рубашке. Походка увереннее, чем утром. Но лицо всё ещё серое. Недосып не лечится двадцатью минутами сна. Он лечится режимом. Но Сергей пока не готов к режиму.

— Поспал? — спросил он.

— Двадцать минут. Эффективно.

Сергей сел напротив. Посмотрел на ноутбук, на блокнот, на пустую стену, где я собирался развернуть карту.

— И что теперь?

— Теперь работаем.

На столе лежал конверт. Юрист Бережного передал его утром. Я открыл, достал лист бумаги. Логин, пароль, адрес сервера. Доступ к трём базам МВД. Налоги, недвижимость, оперативные разработки. Информация, которая стоила Бережному нервов, денег и, возможно, будущего. Но он отдал её без колебаний. Когда человек тонет, он хватается за всё.

— И что мы там найдём? — спросил Сергей.

— Всё.

Я ввёл логин, пароль. Система приняла. На экране открылось меню: «ФНС», «Росреестр», «ОПЕРАТИВНЫЕ ДАННЫЕ». Три базы. Три слоя информации. Три ключа к трём жизням.

— Начнём с Медведева, — сказал я.

Я вбил фамилию. Система выдала список: семь фирм, три объекта недвижимости, две машины, три банковских счёта. Цифры. Только цифры. Но за ними стояли люди. Бригады, которые жгли стройки. Судьи, которые закрывали дела. Чиновники, которые брали деньги. Система, которая работала семь лет.

— Семь фирм, — сказал я. — Три строительные — это его основной бизнес. Остальные четыре — пустышки. Строительные фирмы перечисляют деньги на счета пустышек. Пустышки — на карточки физических лиц. А карточки — бригадам.

— Чьи карточки?

— Пока не видно. Но видно, через какой банк.

Я увеличил одну из строк.

— «Южный» банк. Небольшой, региональный. Лицензия на работу с юрлицами. У них там свой человек.

— Кто?

— Зампред правления по корпоративному блоку. Козырев Сергей Викторович. Сорок пять лет. Через его счета за три года прошло больше полумиллиарда.

— И никто не проверил?

— Проверяли. Дважды. В первый раз — местное УЭБ. Пришли, посмотрели, ушли. Козырев их купил. Во второй раз — из Москвы. Но у Козырева есть человек в Центробанке. Проверку спустили на тормозах.

— И как мы его уберём?

— Не мы. Найдём информатора в банке. Передадим данные тем, кому это выгодно. А уж они решат, как использовать.

— Кому передадим?

— Есть один человек. Начальник управления экономической безопасности. Давно охотится за этой группой, но не хватало доказательств.

— Он не спросит, откуда данные?

— Спросит. Я скажу, что нашёл в открытых источниках.

— Поверит?

— Ему всё равно. Ему нужен результат.

Я переключился на следующую вкладку.

— Теперь Соболь.

Я вбил фамилию. Система выдала скудные данные: дата рождения, адрес регистрации, две машины. Ни фирм, ни счетов, ни недвижимости. Чисто. Слишком чисто.

— Это почерк спецслужб, — сказал я. — Они умеют заметать следы.

— И как к нему подступиться?

— Через прокуратуру. Он использует административный ресурс. Значит, у него есть человек внутри. Нужно найти, кто.

— Макаров знает?

— Должен знать. Он вёл дело против Соболя. Если кто-то сверху дал команду закрыть дело, Макаров знает, кто.

— А если не скажет?

— Скажет. Старые обиды — хороший мотиватор.

Я перешёл к третьему.

— Корецкий. Самый амбициозный. Бывший спортсмен, строит из себя интеллектуала. Репутация «честного вора»: держит слово, помогает ветеранам.

— Как его убрать?

— Показать, что он не держит слово. У него есть старый тренер. Обещал квартиру. Не дал. Ещё три человека, которым он не выполнил обещаний.

— И мы их найдём?

— Найдём. Лена этим займётся.

Сергей допил кофе. Поставил стакан на стол.

— А если они не захотят говорить? Тренер, свидетели?

— Захотят. Кравцову семьдесят четыре. Ему уже не нужна квартира. Ему нужно, чтобы его не забыли. Остальным — нужна справедливость. Или хотя бы признание, что их обманули.

— Ты веришь в справедливость?

— Я верю в логику. Если человеку нанесли ущерб, он хочет восстановить баланс. Это эволюционный механизм. Я просто даю им возможность.

Сергей покачал головой.

— Ты всё просчитываешь.

— Это моя работа.

Я закрыл ноутбук. Посмотрел на Сергея.

— Распределяем задачи. Ты — по Медведеву. Найти человека в банке, который знает о схемах. Я — по Соболю. Найти бывшего следователя. Лена — по Корецкому. Найти тренера и остальных.

— Сроки?

— Две недели на сбор. Потом — удар.

— А если не найдём?

— Найдём.

Сергей кивнул. Встал.

— Я пошёл.

— Сергей.

— Да.

— Ты сегодня выспись.

— Ладно, мамочка.

Он вышел. Я остался один.

Взял телефон. Набрал номер.

— Алло, — ответил женский голос. Спокойный, профессиональный. Журналист.

— Лена Воронина? Антон Джокулов. Я вам звонил на прошлой неделе. Насчёт работы.

— Помню.

— У меня есть для вас дело. Нужно найти людей, которым Корецкий не выполнил обещания. Старый тренер, ещё трое. И подготовить интервью для местной прессы.

— Корецкий? Тот самый?

— Тот самый.

Пауза. Я ждал.

— Когда начинать?

— Завтра. В десять утра. Я скину адрес.

— Хорошо.

Я положил трубку. Потом набрал другой номер.

— Дима?

— Слушаю.

— Я нашёл офис. Завтра приезжай, посмотришь серверную. Нужно будет поднять базы.

— Какие базы?

— Все, до которых сможем дотянуться.

— Это дорого.

— Я знаю.

— И незаконно.

— Я знаю.

— Меня уже сажали.

— Я знаю. Поэтому ты будешь работать аккуратно.

Пауза. Я слышал его дыхание.

— Во сколько?

— В десять.

— Приеду.

Я положил телефон. Посмотрел на пустую стену. Скоро здесь будет карта. Красные точки. Медведев, Соболь, Корецкий. Три человека, которые думали, что они неуязвимы. Они ошибались.

Я открыл блокнот. Написал:

«Медведев. Точка входа: банк "Южный". Зампред Козырев. Найти информатора. Цель: разрушить канал финансирования».

«Соболь. Точка входа: прокуратура. Найти дело, которое вели против него. Установить связи».

«Корецкий. Точка входа: тренер, три свидетеля. Подготовить публикацию. Разрушить репутацию».

Я закрыл блокнот. Встал, взял куртку.

В коридоре меня ждал Сергей, уже с ключами в руках.

— Поехали, — сказал я. — Мне ещё молоко купить.

Сергей покачал головой.

— Ты когда-нибудь перестанешь быть таким правильным?

— Когда перестану высыпаться. Но я не собираюсь.

Мы вышли на улицу. Сентябрьский воздух был свежим. Город шумел. Люди спешили по своим делам. Никто не знал, что мы начинаем игру. И что эта игра изменит всё.

Глава 4. Паук

Сентябрь. Офис «Ант и Джо».

Я пришёл в офис в восемь утра. На двери уже висела табличка: «Ант и Джо». Скромная, из матового металла, без лишних украшений. Я смотрел на неё несколько секунд. Название было вызывающим. Может быть, даже глупым. Но в нём была правда. Мы не просто решаем проблемы. Мы строим систему, где проблем становится меньше. Джокер — это хаос. Мы — противоположность.

Я открыл дверь своим ключом. В коридоре пахло свежей краской и новым линолеумом. Ремонт закончили вчера вечером. Сергей обещал приехать к девяти, но я знал, что он появится раньше. Сергей не умел спать долго, даже когда высыпался. Старая привычка оперативника — вставать до рассвета, чтобы успеть на захват. Иногда мне кажется, что он до сих пор ждёт, что ему позвонят и скажут: «Нестеров, ты нужен». Не позвонят. Но он ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.